

РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СТАНОВЛЕНИИ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р.Я. Фидарова
И.А. Кайтова

В результате вхождения Осетии в состав Российского государства в XIX в. и связанных с этим модернизационных процессов зарождается осетинское просветительство. Просветительство довершило духовную работу построения новой мировоззренческой картины мира. Учась в русских школах, первые осетинские просветители хорошо знали русский язык, русскую культуру и литературу. На их становление огромное влияние оказала русская общественно-политическая и философско-эстетическая мысль. В целом принципы идеологии осетинских просветителей составляли: принцип труда, принцип совести, принцип самосовершенствования, принцип добра, принцип свободы и т.д. И поскольку первые осетинские просветители являлись и первыми писателями, то данные принципы были ими заложены в качестве прочного фундамента формирующейся осетинской литературы, которую они воспринимали как важнейшую общественную трибуну. Философские и общественно-политические взгляды осетинских просветителей содержались в их художественном творчестве, публицистике, активно проявлялись в их реальной жизненной позиции, деятельности, поступках и поведении. Они не занимались теоретическими рассуждениями по поводу вопросов о сущности бытия, устройстве мироздания и о природе человеческого познания. Однако сущность человеческого бытия в реальной конкретике его пространственно-временной данности («здесь и сейчас») просветителей, безусловно, была целью всех их философских исканий, краеугольным камнем их этических представлений и их этического учения в целом. В данной статье рассматривается, как в формирующейся осетинской литературе, в частности, в произведениях таких просветителей-писателей, как И. Кануков, С. Гадиев и К. Хетагуров, реализуются важнейшие принципы труда, свободы, совести, определившие гуманистическую направленность осетинской художественной литературы на сложнейшем этапе ее становления.

Ключевые слова: просветительство, осетинская литература, характеры, жанр, личность, художественное мышление, художественное сознание.

The Ossetian enlightenment starts with Ossetia joining the Russian state in the XIX century. The enlightenment completed the spiritual work of forming a new philosophical perception of the world. The first Ossetian enlighteners studied in Russian schools and, consequently they knew the Russian language, Russian culture and literature and were greatly influenced by the advanced Russian public, political and philosophical and aesthetic ideas. General principles of the ideology of Ossetian enlighteners were: the principle of labor, the principle of conscience, the principle of self-improvement, the principle of good, the principle of freedom, etc. And since the first Ossetian enlighteners became first writers, these principles were laid as a solid foundation for emerging Ossetian literature, which they perceived as the most important public platform. Philosophical and socio-political views of the Ossetian enlighteners were enclosed in their artistic creativity, journalism, actively manifested in their real-life positions, activities, actions and behavior. They did not engage in theoretical arguments concerning questions about the nature of existence, the structure of the universe and about the nature of human cognition. However, the essence of human existence in the real specifics of its spatial-temporal reality («here and now») of the enlightenment, of course, was the goal of their philosophical quest, a cornerstone of their ethical views and their ethical teachings as a whole. This article discusses, how in the emerging Ossetian literature, particularly the works of such enlightenment writers as I. Kanukov, S. Gadiyev and K. Khetagurov, the important principles of work, freedom of conscience, which determined the humanistic orientation of the Ossetian literature at the most difficult stage of its development, were implemented.

Keywords: enlightenment, Ossetian literature, characters, genre, personality, artistic thinking, artistic consciousness.

В XIX в. в результате фактического вхождения Осетии в состав Российского государства происходил процесс приобщения осетин-горцев к культуре и экономике России. Так, в частности, сформировался своеобразный, тонкий культурный слой населения – осетинская просветительская интеллигенция.

Просвещение в Осетии на протяжении целой исторической эпохи плодотворно влияло на все сферы общественного сознания.

Социально-экономические и культурные условия для возникновения в Осетии просвещения созрели в 60-70-х гг. XIX в. и далее развивались в 80-90-х годах. Общественно-политическая и философская мысль в Осетии постепенно становилась частью общероссийского идеологического процесса.

Осетинские просветители, учившиеся в русских школах, хорошо знали русский язык, русскую культуру и литературу. И это давало им новый культурно-исторический материал, указывало на некоторые параллели.

Русская литература и культура в целом имела значение великой международной культурной силы для народов, вошедших в состав Российской империи. Общие идеи объединяли разные народы, рождали историческую солидарность и отражались на духовной жизни, которая, тем не менее, у каждого народа протекала своеобразно. Общее же содержание культурной эволюции определяется тем, что это был важнейший этап перехода от феодализма к капиталистическому обществу и его культуре. В результате складывается новый образ жизни и мышления. В народной среде обостряется стремление к знанию. Формируется новое художественное самосознание нового типа культуры. Утверждается такой общий дух культурной и духовной жизни, когда люди начинают осознавать, что главная причина человеческих бед и общественного зла заключается в невежестве, предрассудках и суеверии. И вместе с тем приходит понимание, что в образовании, в науке, в свободе мысли как раз прокла-

дывается путь культурного и социального прогресса. Сами же идеи общественного равенства и личной свободы, меняющие мировоззренческие, ценностные, нравственные основы и создающие новые условия жизни, новые идеалы и ценности, ведут, конечно же, к новому этапу пробуждения личного самосознания.

Осетинские просветители стали на путь культурного самоопределения, и, погружаясь в свои национальные истоки, признавали благотворное воздействие иных культур, в частности, русской.

По мысли горских просветителей, необходимо было соединить достижения европеизирующейся русской культуры с традиционным строем жизни северокавказцев с тем, чтобы его творчески преобразовать. Как писал А. Гассиев, «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... На нем лежал долг воспитать горские племена» [1].

Новый тип культуры породил новое мировоззрение эпохи, отразившееся в просветительском содержании и революционном по духу движении, антифеодальном по содержанию.

Пришло острое осознание того, что идея свободы мысли, слова, печати, художественного творчества – самая важная культурная идея эпохи.

Важнейшее значение осетинского просветительства в истории социальной культуры осетин заключается в том, что представители его сформировали «новую», «объективную» концепцию истории. Они пошли не по пути «комплиментарного» восприятия национальной истории, т. е. идеализированного восприятия прошлого народа, основанного на мифах, а предложили «объективную» историю (историю как коллективную «биографию», как коллективный портрет той или иной исторической эпохи).

Конечно, формированию объективного рационального духовного кода способствовали и сущностные принципы осетинского

просветительства, составляющие фундаментальную базу его философии, этики, эстетики, культурологии.

В целом можно сказать, что духовно-нравственная концепция национальной действительности осетинского просветительства – это компонент его становящейся мировоззренческой целостности, философского сознания эпохи.

Просветительство в Осетии, как и в России, – идейное движение, вызванное к жизни процессами возникновения капиталистических отношений в недрах феодализма, обострением классовых противоречий и антикрепостнического движения народных масс.

В просветительской картине мира центральное место принадлежит человеку. Мировоззренческая содержательность учения осетинских просветителей о человеческой природе обнаруживается в самой постановке вопроса о сущности совершенного человека, разумного и чувствующего, гражданина и философа, способного к самосовершенствованию и гармонизирующему воздействию на природу и сограждан. Совершенный человек, олицетворяющий набор родовых качеств, абстрагированных от сословных характеристик и индивидуальных особенностей, – утверждается как должное, как цель нравственного совершенствования и общественного воспитания. Вместе с тем в этике осетинского Просвещения прослеживается тенденция к историко-национальной конкретизации представлений о человеческой природе. При этом предметом особого внимания становится единство индивидуального и общественного на основе гуманистического понимания природы человека, естественно стремящегося к сохранению жизни, к свободе, гражданскому равенству, социальной активности, познанию и творчеству, что благотворно влияло на эволюцию нравственно-этического сознания общества.

Принцип труда. Просветители сформировали свое четкое концептуальное представление о труде как не только об источнике материальных благ, необходимых

человеку для выживания, для жизни. Согласно их представлениям, только труд, общественно-полезный, производительный, делает человека человеком, субъектом социально-исторического процесса, частью великого целого, – человечества. И только трудящийся человек освещает разумом и жизнь народа, и жизнь государства, оставляет след в жизни человечества, т.к. меняет к лучшему и человека, и жизнь в целом, обогащает ее гуманистический потенциал. Устремляет к добру направление исторического процесса. Более того, труд творит новый мир и нового человека с учетом требований мировоззренческих установок общества.

Создав человека определенного исторического типа, старый мир исчерпал все свое объективное содержание и неминуемо должен исчезнуть, т.к. исчерпал все свои потенциальные возможности. Принцип самосовершенствования. Программу концептуального самосозидания человека, предложенную просветителями, составляют разные пункты. Во-первых, просветители выдвинули положение: «твори из себя человека», так как они исходили из того, что человек не рождается готовым: он формируется всю свою сознательную жизнь. При этом ведет борьбу с животными инстинктами в себе. Человек, по их убеждению, прежде всего продукт социальных условий и обстоятельств своей жизни, воспитания и образования, которые и формируют его моральный облик. Обеспечивают победу разумно-гуманистического начала в человеческой душе, свободно-необходимого над стихийным началом. Во-вторых, всестороннее самосовершенствование человека, полагали они, есть стремление сформировать в себе четкое представление о том, что историческое предназначение его как существа социального – преобразовывать, улучшать реальный мир, смягчая противоречие между бытием и долженствованием. В-третьих, реализовывать свое человеческое призвание, бороться за совершенствование мира, не считаясь с жертвами. В-четвертых, осуществлять в своей реальной жизни

недеятельности моральный императив совести. В-пятых, полагали просветители, смысл человеческого существования в свободной социально-гуманистической и творчески-созидательной деятельности, которая по существу отличает человека от всех прочих животных. В-шестых, сущность природы человека как совокупность общественных отношений составляет ее трудовая деятельность, трудовая практика. В-седьмых, гуманное самосовершенствование человека включает в себя все аспекты его духовного бытия – познавательный, художественный и морально-волевой, мировоззренческий. В-восьмых, у человека не должно быть расхождения между совестью и поступком. В-девятых, человек постоянно должен стремиться получать новые знания, т.к. незнание истины ведет к дикому суеверию, а пренебрежение к доброму порождает всяческое зло, разрушает социальную и нравственную природу человека. В-десятых, высший идеал человечества – это идеал добра, который и есть концептуально-мировоззренческий критерий всех ценностей. А потому целью нравственно-достойной жизни является добро, тогда как счастье человека заключается в созидании этого добра, в деятельности, в процессе которой и рождается добро.

А важнейший принцип гуманистически-нравственной жизни, по представлениям просветителей, заключается в стремлении достижения полной реализации всех заложенных в человеке способностей, высшая из которых – творчески-преобразовательная. Кроме того, высший долг человека – обогащение своей души нетленными гуманистическими ценностями. В целом мировоззренчески-нравственное совершенствование есть долг совести человека. По убеждению просветителей, принципы человечности обогащаются в процессе общественно-исторического развития. Полная же реализация человеком своей творческой сущности составляет основу счастья в жизни, так же, как и осуществление им добра, т.е. важнейшей гуманистической цели.

Принцип добра. Принцип добра в мировоззренческой программе просветителей утверждал истину, правду, красоту. И подходили они к ним с точки зрения исторического назначения человека. Прежде всего, они говорили о необходимости творчества нового мира на основе истины, правды, красоты, добра. И не случайно. Вся духовная жизнь человека органично связана с его творчески-преобразующей природой и ориентируется на реальное изменение мира, естественного и социального, с учетом требований совести. И в этом – историческое предназначение человека на земле, полагали они.

Принцип свободы. Выдвигая принцип свободы, просветители имели в виду и внутреннюю, духовную свободу или нравственную свободу человека тоже. Они полагали, что самым большим преступлением против совести является духовное, нравственное рабство, поскольку раб, который смирился со своим положением, теряет свою подлинную человеческую сущность.

Добродетельный человек всю свою жизнь стремится к достижению важнейшей этической цели – идеала добра, поскольку таково веление его свободной совести. Как творящееся, рождающееся добро, добродетель составляет подлинное содержание нравственной жизни человека, его счастье, дает возможность реализовать его творчески-преобразующую сущность.

Чувство ответственности. Чувство ответственности заставляет людей бороться за новое, т.е. свободное, разумное, нравственное, со старым, менее свободным, менее разумным, менее нравственным. Конечно, стихия природного, естественного бытия господствует над моральным сознанием, порой уродует его. Скажем, необходимость постоянной борьбы за существование подталкивает некоторых людей придерживаться принципа «человек человеку – волк». Борьба нового со старым всегда содержательно является борьбой человеческого разума с принудительной стихией зла. Принципы же истинной человечности создавались, развивались и накапливались

задолго до нас всеми жившими поколениями наших мудрых предков. Наша задача, как полагали просветители, развивать эти принципы в новых исторических условиях и на практике, и в теории. И это – одна из важнейших задач служения своей родине, родному народу, также как творить новый мир, основанный на идеале добра. В этом творчестве просветители и видели историческое назначение человека.

Принцип совести. Просветители вырабатывали свое собственное представление о совести, чести и о высоком достоинстве человека. Так, они думали, что совесть – внутреннее чувство, которое заставляет человека поступать в соответствии с идеалом добра. И поэтому она составляет лучшую часть человеческой души, является гарантом душевной чистоты. Совесть – это субъективно-идеальное проявление социальной сущности человека, составляющей его трудовую, творчески-преобразовательную природу. Совесть – тот механизм, который заставляет осознать противоречие между бытием и долженствованием и помогает определить требование изменить сущее, т.е. стремится привести его в соответствие с должным, с идеалом. И тем самым дает возможность осуществить нравственный закон, закон нравственной жизни общества. Само содержание совести включает идеал добра.

Всеобщая совесть человечества – не пустая абстракция, в представлениях просветителей, – она реально включает в себя все самое ценное, истинно-человеческое, прекрасное, действительно свободное, разумное, высоконравственное начало и суть человеческой природы.

Совесть – духовное начало в человеке. Совесть отрицает саму возможность эксплуатации человека человеком. Поэтому лучшие представители эксплуататорских классов – просветители порывают со своим классом. Совесть – свет разума.

Итак, принципы истинной человечности в этической программе просветителей составляют: принцип совести, принцип самосовершенствования, принцип добра, принцип общественной пользы, принцип

труда, принцип свободы, принцип благодарности, принцип благородства, принцип мудрости, принцип поступка.

Безусловно, просветительская идеология сыграла определяющую роль в зарождении, становлении и развитии осетинской литературы как важнейшего компонента сферы общественного сознания осетин. А основные ее принципы составили фундаментальную базу философии художественного сознания осетин, художественной методологии формирующейся осетинской литературы. И не случайно: первые осетинские писатели были и первыми осетинскими просветителями.

Конечно, вторая половина XIX в. явилась для Осетии переломной эпохой: осетинский народ активно включается в исторический процесс. Культура и литература осетинского народа – часть мирового литературного и общественно-философского процесса. Осетинский народ в XVIII-XIX вв. в своем историческом развитии прошел те же идейно-культурные периоды, которые народы других стран переживали веками.

Первыми представителями осетинской просветительской мысли были И. Кануков, А. Ардасенов, Г. Цаголов и др. Испытывая глубокую ненависть ко всем формам угнетения, они критиковали феодальные порядки и нарождавшуюся буржуазию. Творчество названных представителей осетинского просвещения характеризуется демократической направленностью.

Они выступали за дружбу между осетинским и русским народами. Они верили в человеческий разум, критиковали религию, старые обычаи, суеверия, адаты, т.е. все то, что стояло на пути социального прогресса.

Наиболее ярким представителем просветительской мысли в Осетии был К. Хетагуров. В своем творчестве просветители ярко отразили процесс вхождения горца в водоворот капиталистического развития России, который основательно затронул экономику и быт горских народов. Шла безжалостная перестройка их традиционного уклада жизни, хозяйственной культуры, быта, сознания, ломка вековых этиче-

ских представлений и норм, освященных традицией.

Пореформенный период в истории осетин породил сложные и противоречивые сдвиги в хозяйственном укладе, в быту, сознании и психологии. И разум народа был обращен к осмыслению и решению этих новых для горцев явлений действительности.

Поэтому все вопросы экономики и политики, этики и психологии, культуры и быта, национальных отношений и будущности народа повседневно тревожили народ. «Наступила пора просветителей и революционеров, мыслителей и поэтов национального и всероссийского масштаба. И горские народы Кавказа, в меру своей исторической и культурной подготовленности, выдвигали из своей среды деятелей именно такого типа. Историческая необходимость в них выявилась в самой острой форме, а выдвигание их, масштабы и значимость деятелей зависели уже от объективных конкретных историко-культурных условий и субъективных возможностей каждого данного деятеля», – пишет Н. Джусойты об этом периоде [2, 69].

Среди прогрессивных деятелей Осетии второй половины XIX в. значительной личностью был писатель Инал Кануков, оставивший заметный след в истории своего народа и в приобщении его к передовой русской культуре.

И. Кануков родился в 1852 г. в селе Брут. Учился в Ставропольской гимназии, в Александровском военном училище. С 1875 по 1877 гг. жил в станице Лысогорской возле Пятигорска, где находилась его воинская часть. В 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне. В 1879 г. его перевели на службу в Оренбург, а затем и в Южно-Уссурийский край. В 1883 г., уйдя с военной службы, переехал во Владикавказ, где учительствовал. Умер он в 1899 г.

Еще живя в Уссурийском крае, Кануков написал 160 рассказов, очерков, фельетонов, корреспонденции и около 50 стихотворений.

Важнейшее место в творчестве писателя занимает тема социально-экономи-

ческого и духовного порабощения народа. Его занимают такие актуальные вопросы, как переселение части осетин в Турцию, специфика развития капитализма в Осетии. Он ведет активную борьбу против вредных обычаев и традиций, за эмансипацию женщин и т.д.

Кануков с горечью писал: «...за какие бы стороны народной жизни мы не взяли, всюду во главе нашей некультурности и отсталости, в различного рода неудачах и бедствиях – низкий уровень знаний стоит всегда на первом плане» и становится «...непреодолимою преградой на пути самых благих начинаний» [3].

В своих очерках «В осетинском ауле», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», «Заметки торца», «Амрхан», «Горцы-переселенцы» и др. Кануков отразил жизнь пореформенной Осетии, показал специфику развития капитализма в осетинской деревне. Здесь же он проводит мысль о том, что единственный путь к освобождению осетин от вековой отсталости, к развитию экономики края заключается в скорейшем приобщении народа к общеевропейской цивилизации.

«Против могущественного напора цивилизации, – писал он, – не устоят никакие традиции страны. И, слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец, мы видим и железную дорогу; свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» [4, 96].

Наметившийся прогрессивный путь развития Осетии он считал «неизбежным следствием водворения мира на Кавказе», результатом присоединения Осетии к России.

Кануков старался осмыслить законы истории. Он понимал, что объективные условия жизни определяют ход общественного развития, что исторические законы существуют независимо от человеческого сознания. В очерке «Горцы-переселенцы» Кануков писал: «Ряд исторических фактов... свершившихся почти на наших глазах, доказывает нам, что народ сохраняет

дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют, когда есть, так сказать, арена для поддержания и воспитания этих качеств... Влияние этого неизменного, могущественного исторического закона мы видим и в наших горцах» [5, 104]. Он осуждал феодалов-тунеядцев. «...Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно; пора приняться за работу, забыв, что черная работа стыдна алдару или узденю» [5, 93].

Для творчества Канукова характерно правдивое изображение действительности.

С развитием социально-экономической жизни народа писатель связывает и вопросы морали, менталитета, мировоззрения народа. В зависимости от перемен в жизни, по его мнению, меняются нравы и обычаи людей, их отношение к жизни, к миру. «Обстоятельства жизни... переменились, переменился и характер современного горца. Как посмотришь теперь, да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчетливою...» [6, 107]

Приветствуя рыночные отношения в осетинской действительности, он подвергал резкой критике и негативные последствия капитализации бытия горцев, их менталитета, мировоззренческих установок.

«Деньги!.. В этом магическом слове слились альфа и омега всех стремлений этих «дельцов» и «предпринимателей»... Чтобы добиться денег, они измышляли всевозможные пути, не разбираясь в средствах. При этом они лезли нагло, стремительно, давая свою нечестивую, но тяжелую пятою всех слабых, попадавших им на пути и мефистофельский хохот раскатисто проносился по дебрям Пределамера... Деньги стали меркою моральных качеств человека!» [6, 156]

Больше всего писателя волнует девальвация традиционной духовности осетин, их мироощущение и мировосприятие.

«...Да присмотритесь пытливец, – восклицает Кануков, – что наблюдается во всей... нашей жизни, в многообразных ее проявлениях... Торжество низменных страстей, полное игнорирование или даже дерзкое попираание некоторой частью общества тех начал, которые дают социальной жизни осмысленность и значение... Наряду с этим растет дерзкая самонадеянность» [6, 157].

С чувством большого сочувствия писатель критиковал обычаи, унижающие и оскорбляющие женское достоинство. «Положение жены – осетинки в доме своего мужа самое шаткое, никакие юридические и религиозные кодексы не связывают особенно мужа с женой; муж смотрит на нее, как на вещь, которую он вправе выбросить за ворота, когда ему вздумается, и отпустить на все четыре стороны беспомощную, да еще, может быть, с малыми детьми» [6, 158]. Улучшат положение горянки, по мнению поэта, только новые социально-экономические условия жизни.

В творчестве Канукова затрагиваются вопросы войны и мира. Он осуждал войны. Так, в одном из своих произведений он писал:

Зачем, зачем же бой кровавый,
Ужасный, адский этот пир?
Для выгод? Прихоти? Для славы?
Чтоб удивить геройством мир?... [6, 280].

Как истинный просветитель, Кануков считал, что нравственное совершенствование личности, просвещение народа, подъем его культуры смогут решить многие социальные проблемы.

Художественная литература осетин начинает свой путь с характерологических поисков. Публицисты и писатели И. Кануков, А. Гассиев, К. Хетагуров и др. активно выступают против официозных представлений о «буйном элементе» (Н. Джусойты) в «национальном характере горца. Особенно интересен в этом смысле художественный очерк Канукова «В осетинском ауле» (1870), в котором последовательно проводится мысль о том, что характер горца складывается не по его личному желанию, а в силу определенных, не зависящих от

него обстоятельств. Как отмечает З. Суменова, со страниц произведений «Канукова встает собирательный образ осетинского народа в один из важнейших моментов его исторического развития» [7, 69]. Простой неграмотный горец Хатахцко, один из героев очерка, приходит к пониманию того, что «теперь времена другие настали, времена джигитства миновали», что «пора расстаться с оружием и взяться за соху... В настоящее время на джигита, разъезжающего на своей лошадке по аулам с оружием, я смотрю как на человека вредного, бездельника, который шатаясь по домам, объедает других» [8, 54]. Хатахцко глубоко верил, что только труд выведет человека из нужды. Постепенно он приходит и к другой очень важной для горца мысли: о необходимости просвещения.

Зарождающаяся художественная литература приобретает наступательный характер, выражая протест против насилия над человеческой личностью. В рассказе «Айсса» (1907) Сека Гадиев повествует о трагической судьбе сироты пастуха Ахмета и его жены Айссы, дочери старика Дауита. Рассказ верно воссоздает тогдашнюю осетинскую действительность. Бедняк был поставлен в такие условия, которые позволяли его судьбой распоряжаться князьям и представителям царской власти. Блюстители закона, считавшие бедняков-кавказцев прирожденными ворами и убийцами, сами вовсе не гнушались разбоем и взяточничеством. «Каких бы вопросов Сека Гадиев ни касался, – пишет З. Салагаева, – будь это вопросы христианско-проповеднического характера или истории Осетии, – в центре внимания его всегда тема родины, судьбы народа» [9, 43]. Не раз писал Гадиев и о бесчеловечности и вредности некоторых традиций осетин, в частности, калыма и похоронных обрядов (см.: [10, 7]).

Так, художественная мысль все вернее и последовательнее продолжает свою линию в изображении характера горца, все активнее продолжают характерологические поиски, которые позже заложат основу реалистических традиций, воспринявших все лучшее от фольклора и вместе с тем «раз-

межевавшихся» с фольклорной традицией, с фольклорной системой изображения характера. Так, скажем, в рассказе «Залда» (1907) Сека Гадиева уже отчетливо выявляется тенденция ко всесторонности изображения человека, психологической дифференцированности. Уже явно нарушаются эстетические фольклорные «каноны». Характер не является носителем одной лишь идеи. И в рассказе «Айсса» (1907) стражник – не только взяточник, он еще и лицемер, до предела жаден, коварен, глуп, хотя и тут еще проскальзывает фольклорный способ мышления автора: отрицательный герой у него только отрицателен. Впрочем, такой подход был тогда еще вполне правомерен: ведь читатель, на которого рассчитан данный рассказ, тоже не преодолел еще фольклорный уровень восприятия и, главное, фольклорную категоричность мышления. Одна из основных закономерностей развития художественного сознания как раз и заключается в органической зависимости диалектики писательского мышления от художественной культуры народа, его социально-исторического опыта, – художественное мышление тесно связано с идеологией и общественной психологией. Необходима определенная духовная работа, определенный опыт эстетического, восприятия, чтобы в конкретном социально-историческом контексте осмыслить тот или иной художественный характер и сделать его достоянием своего внутреннего нравственного мира, частью своего мироощущения.

Что же нового вносит Гадиев в художественное мышление своей эпохи и своего народа на столь ответственном этапе его развития? На наш взгляд, многое. Во-первых, именно с его творчеством входит в мир осетинского художественного мышления идея психологизма. «Право гражданства» в его произведениях получает описание чувств и эмоций героев. Это большой шаг в художественном становлении характера. К тому же ценно то, что, неожиданно для самого себя, Гадиев связывает идею необходимости психологизма с идеей необходимости раскрытия социальной несправедли-

вности в жизни. Подчеркивая: «неожиданно для самого себя», мы не оговорились. Писатель действует интуитивно, ставя рядом и связывая логически эти два понятия. Ведь сам он не поднялся выше (в своем мировоззрении) стихийного, неосознанного бунта против человеческого порабощения.

И второй, очень важный момент в становлении эстетической системы реалистического обобщения. Он тоже во многом связан с проблемой динамики, развития характера: движение, становление мысли и чувства героя, намеченные у Гадиева «пунктирно». Он почти никогда не дает диалектику чувства любви, не показывает процесса «накопления» чувства. Тут фольклорно-упрощенная трактовка любви: только стоит герою впервые взглянуть друг на друга, как у них моментально вспыхивает такое страстное чувство, которое предопределяет их трагические судьбы, заставляет перешагнуть через вековые нормы морального бытия народа. Но наряду с этим, скажем, в рассказе «Залда» (1907) писатель намечает уже движение души героя. Кази, сознавая, что из-за него погибла Залда, не в состоянии дальше нести свой «крест», он должен высказаться, покаяться. И он идет на суд народной молвы. Ему не все равно, что скажут люди. Кази необходим приговор народа. Потому, что сам он – малая частица этого мира. Здесь мы встретились с очень интересным, хотя и противоречивым процессом художественного синтеза. С одной стороны, Кази уже личность. Он способен осмыслить индивидуально-неповторимую значимость своего личного поступка. В какой-то мере он уже способен нравственно оценить его. Но с другой стороны, он оценивает его не как отдельный человек, а как носитель коллективного сознания. С одной стороны, он наделен сознанием фольклорного героя, с другой – это, несомненно, герой уже нового этапа художественного мышления. Кази исповедуется. Народ, конечно же, решает по-справедливому. Все обвиняют отца Залда, а не Кази. Тут как раз и сказывается та ограниченность мировоззрения С. Гадиева, о которой мы говорили. Он не понимает, что истинным виновни-

ком смерти Залда является не ее отец, который ее по-своему любит (единственный ребенок, поздний и желанный!), а социальные условия жизни.

Художественное мышление эволюционирует. Литература стремится решить проблему создания характера человека действующего, человека-борца. Это обуславливает качественно новый этап в развитии национального самосознания народа, наиболее полно выразившийся в творчестве Коста Хетагурова, совершившего переворот в художественном мышлении осетин, обогатив его обостренным чувством истории. Характерологические поиски привели Хетагурова к созданию образов положительных героев Фатимы и Ибрагима (поэма «Фатима»). Осмысление явлений действительности с точки зрения историзма дало мощный толчок развитию художественного мышления поэта. К. Хетагурова привлек исторически новый, перспективный тип горянки, и он воплощает его в образе Фатимы. Традиционный образ горянки – воплощенное смирение, рабская покорность судьбе. Ведущее же качество в характере Фатимы – активность. Она действует как самостоятельная личность: будучи княжеской дочерью, уходит к холопу Ибрагиму. Она – счастливая женщина, любимая и любящая, свободная личность. Верность чувству историзма, высокая степень осознания социальных проблем современности заставляет Хетагурова с новых позиций рассматривать и характер.

Острота чувства истории внесла с собой в художественное мышление идею классового самосознания. Этому, то есть пробуждению классового самосознания народа, и были отданы все силы ума и души Коста Хетагурова. Он продолжает стратегическую линию художественной литературы, ведет сложный творческий поиск с иных качественных высот. Активно «переплавив» в своем творчестве чувство истории, Хетагуров художественно достоверно показывает, как изменение мировоззрения людей ведет к повышению требовательности к человеку. Новая социальная действительность диктует

свои, возрастающие потребности в новых характерах. Эти же потребности диктуют определенную расстановку характеров на сцене истории.

Говоря о поисках Хетагурова, нельзя не вспомнить о его публицистических произведениях, в которых поэт выступает против клеветы на национальный характер горца. В очерке «Особа» (впервые опубликован в газете «Северный Кавказ», №№ 59, 63, 75 от 28 июля, 11 августа и 22 сентября 1894 г.) он дает историю рождения и нерадостной жизни горца. Верно воссоздает уклад горской жизни до присоединения Осетии к России. Однако обращение к прошлому здесь – своеобразный способ художественного анализа настоящего, история – специфический ключ к художественному постижению современности. В статье «Я так давно не писал...» из «Владикавказских писем» (впервые опубликована в газете «Северный Кавказ», №58 от 20 июля 1897 г.) Хетагуров также выступает против объяснения общественных явлений негативными сторонами характера горцев. Некий М. И. Е-о, этнограф, в очерке «В гостях у кабардинцев» (газ. «Терские ведомости», № 147 за 1896 г.) нелестно отзывается о характере кабардинца Ухо, семья которого питается поджаренной кукурузой. Мол, встретил меня недружелюбно, не угостил и даже принял от меня монету. Из этого случая незадачливый этнограф делает далеко

идущие выводы о том, что для кабардинца главное в жизни – это деньги, они для него – «утеха всей... жизни» [11]. «Не абсурд ли это?», – пишет Хетагуров о таком одностороннем подходе к оценке национального характера горца. В статьях «Владикавказские письма», «Пути сообщения в горах Северного Кавказа», «Накануне» и др. он пытается раскрыть подлинные, социальные причины тяжелого положения жизни горцев, несомненно наложивших отпечаток как на их образ жизни, так и на национальный характер.

Так изменился взгляд на человека. Новое художественное виденье объясняется усложнением социальной действительности, накоплением нового духовного и нравственного опыта, пробуждением национального и общественного сознания; и вследствие этого – переоценкой ценностей – социальных и нравственных. Сложившейся художественной литературой верно была понята самая сущность художественного характера, логическое соотношение в нем общего и особенного, социального и индивидуального, национального и общечеловеческого.

В целом в философских основах художественного мышления первых осетинских писателей и в художественной методологии формирующейся осетинской литературы столь концептуально отразилась просветительская идеология.

-
1. Гассиев А. А. По части книжных древностей // Кавказ. 1873. № 36.
 2. Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. Тбилиси, 1980. Кн. I.
 3. Дальний Восток. 1894. 30 декабря.
 4. Кавказский календарь на 1898 год. Тифлис, 1897.
 5. Кануков И. Д. Сочинения. Орджоникидзе, 1963.
 6. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.
 7. Суменова З. Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972.
 8. Осетинская проза. Орджоникидзе, 1963.
 9. Салагаева З. М. Четыре этюда об осетинской литературе. Орджоникидзе, 1970.
 10. Христианская жизнь. 1915. № 1.
 11. Терские ведомости. 1886. № 147.